

О СПОСОБАХ ПЕРЕХОДА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВО РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1917–1918 гг.

© 2011 г. Ирина Александровна Шершнёва-Цитульская¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются способы перехода права собственности на имущество церкви в 1917–1918 гг., анализируется гражданско-правовой статус имущества церкви после Октября 1917 г.

Annotation: the article discusses how to transition ownership of the property of the church in 1917–1918, analyzes the civil status of the church property since October 1917.

Ключевые слова: история государства и права России, церковь и государство, XX век.

Key words: history of the state and the right of Russia, Church and the state, the XX-th century.

На разных этапах истории России неоднократно поднимался вопрос об изъятии имущества Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в пользу государства, но всё же самые решительные шаги были предприняты в ходе Октябрьской революции, когда вопрос о субъекте права собственности на церковное имущество был решён радикально: РПЦ, как и другие религиозные организации, потеряла право собственности на всё ранее принадлежавшее ей имущество. Но кто же стал собственником церковного имущества?

В научной литературе сложились два противоположных подхода в рассмотрении проблемы перехода права собственности на имущество религиозных организаций к Советскому государству. Первый подход заключается в том, что имущество религиозных организаций, в том числе и РПЦ, было **незаконно изъято и разграблено** советской властью, т.е. **никакого перехода права собственности** на церковное имущество к новому субъекту **юридически не состоялось**.

В рамках этого подхода некоторые современные авторы поставили вопрос о внеправовых формулировках Декрета СНК РСФСР “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” (далее – Декрет “Об отделении...”) от 20 января 1918 г.², рассматривая действия государства как

“захват” и даже “грабёж” церковного имущества, осуществлённый Советским государством³. Эту оценку поддерживают и некоторые должностные лица, занимающие высшие посты в Российской Федерации. К примеру, В.В. Путин, будучи Президентом РФ, в 2004 г. в одном из интервью подчеркнул, что изъятие церковного имущества в 1918 г. было, по его мнению, “не только аморально, но и **незаконно**”⁴. (выделено мною. – И.Ш.-Ц.) Впрочем, такая интерпретация ст. 12–13 указанного Декрета не нова: именно так оценивали действия советского правительства в 1918 г. некоторые приходские советы⁵, Патриарх и Поместный собор РПЦ⁶.

Сторонники второго подхода утверждают, что в 1918 г. произошла **национализация имущества** религиозных организаций, основанием для которой послужил Декрет СНК РСФСР “Об отделении церкви от государства и государства от церкви”, поэтому ни о каком захвате (грабеже) церковного имущества со стороны Советского государства речи быть не может. Поскольку последующие акты, принятые в сфере регулирования государственно-церковных отношений, так и не отменили ст. 13 указанного Декрета в части перехода права собственности на имущество религиозных организаций в “народное достояние”, постольку

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, кандидат юридических наук (E-mail: ktp-rpa@mail.ru).

² Декрет “О свободе совести, церковных и религиозных обществах” был принят СНК РСФСР по старому стилю 20 января 1918 г. и под этим же названием опубликован в “Известиях ВЦИК” от 21 января, но в Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства этот акт вошел под названием “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” и был датирован 23 января 1918 г.

³ См., например: *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 97–101; *Долгий В.* Размышления о вере и праве в канун Пасхи // Десятина. Газета православных мирян. 2008. 25 апр.

⁴ <http://www.religio.ru/arch/060ct2004/news/9054/htmt>.

⁵ См.: Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9, 10. С. 377–378; ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 441. Л. 43–56, 80, 83.

⁶ См.: Церковные ведомости. 1917. № 43–45. С. 401; Деяния Священного Собора Российской Православной Церкви, 1917–1918 гг. Кн. VI. Вып. 1. М., 1994. С. 4, 5.

сегодня отсутствует юридическое основание для оспаривания легитимности права собственности государства на бывшее имущество религиозных организаций. Приняв 30 октября 2010 г. Федеральный закон “О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности”⁷, современное Российское государство фактически подтвердило, что переход права собственности в 1917–1918 гг. состоялся, и собственником имущества религиозных организаций все эти годы являлось государство.

Между тем даже принятие нового Федерального закона не завершает научной дискуссии по вопросу о юридической квалификации действий Советского государства в 1917–1918 гг., принятых в отношении имущества религиозных организаций, хотя бы потому, что в новом Законе речь идет не о всех объектах имущественных прав, изъятых у религиозных организаций в 1917–1918 гг., а только об имуществе религиозного назначения. Таким образом, решение половинчатое, и вряд ли оно до конца удовлетворит религиозные организации, о чём неоднократно заявляли официальные представители РПЦ МП ещё на этапе разработки законопроекта указанного акта.

Разрешение этого спора лишь на первый взгляд кажется простым. Юридическая квалификация действий Советского государства осложнена тем, что в законодательстве и в правоприменительной практике 1917–1918 гг. для обозначения действий по изъятию имущества, в том числе и церковного, употреблялись различные термины: “конфискация”, “реквизиция”, “национализация”, “социализация”, “муниципализация”. В современной юридической науке сложилось представление о том, что значение указанных терминов законодатель в период октября 1917 г. не различал, обозначая ими одно и то же действие – переход права собственности на имущество к государству⁸.

Но в таком случае неизбежно возникает вопрос: какой же смысл был в применении такого разнообразия терминов, если ими обозначалось одно и то же юридическое действие? Поэтому, чтобы дать чёткий ответ на вопрос о способах перехода права собственности на имущество религиозных

организаций, сначала следует выяснить значение этих понятий в 1917–1918 гг. и сопоставить с их современной трактовкой, а лишь затем делать выводы относительно того, состоялся или нет переход права собственности на имущество религиозных организаций в 1917–1918 гг., а также оценивать способы осуществления перехода права собственности от одного субъекта к другому.

В преддверии октября 1917 г. наиболее популярным термином, который использовали местные Советы в отношении изъятия имущества РПЦ, был термин “реквизиция”. В российском законодательстве он возник в годы Первой мировой войны. Под “реквизицией” тогда понимали изъятие имущества (как правило, продовольствия или гужевой силы) по твёрдым ценам. Это действие заключалось либо в возмездном изъятии имущества собственника с переходом права собственности к государству, если вещь возврату не подлежала, либо во временном безвозмездном изъятии в целях пользования вещью с последующим возвратом её собственнику. В любом случае реквизиция рассматривалась как **мера чрезвычайная**.

В краткий период двоевластия понятие “реквизиция” стало использоваться гораздо чаще. К примеру, в марте 1917 г. постановлением Временного правительства “Об учреждении общегосударственного продовольственного комитета”⁹, постановлением “О передаче хлеба в распоряжение государства” и Временным положением о местных продовольственных органах вводился чрезвычайный режим в области хлебозаготовок. Губернские комитеты получили право производить “реквизицию” продовольствия в деревне, отчуждая излишки продовольствия по твёрдым ценам.

Относительно церковного имущества термин “реквизиция” употреблялся исключительно в постановлениях местных Советов – от февраля к октябрю 1917 г. и в период установления советской власти на местах. Именно таким способом было изъято весной–летом 1917 г. имущество типографий Киево-Печерской, Успенской, Троице-Сергиевой и Почаевской лавр¹⁰. Ни владельцы имущества (монастыри), ни собственник (ведомство православного исповедания)¹¹ никакого возмеще-

⁷ См.: Росс. газ. 2010. 3 дек.

⁸ См., например: История отечественного государства и права. В 2-х ч. Ч. 2. Изд-е 4-е, перераб. и доп. / Под ред. О.И. Чистякова. М., 2006. С. 16–22 (Впрочем, следует сделать оговорку о том, что правоприменители на местах действительно не всегда понимали значение этих терминов в силу отсутствия необходимых знаний, поэтому в статье речь будет идти в основном об актах, изданных общероссийскими органами).

⁹ См.: Собрание узаконений и РП. СПб.-Пг., 1917. № 60. Ст. 358.

¹⁰ См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 561. Л. 9, 12, 28.

¹¹ О гражданско-правовой конструкции церковной организации и вещных правах на имущество РПЦ см.: Шершнёва-Цитильская И.А. Гражданская правоспособность Русской Православной Церкви накануне Октября 1917 г. // Гос. и право. 2008. № 11.

ния за изъятое местными Советами имущество не получили, как и не дождались возвращения этого имущества, хотя в постановлениях об изъятии и употреблялся термин “реквизиция”, предполагавший по своему смыслу либо возмездное изъятие, либо последующее возвращение изъятого во временное пользование имущества. Однако сегодня, пользуясь современной интерпретацией юридической терминологии, эти действия следовало бы квалифицировать скорее как **муниципализацию** имущества, но не как реквизицию – и не только потому, что это действие носило безвозмездный характер, но и потому, что имущество поступало в распоряжение, владение и пользование местных Советов.

Ещё более интересные метаморфозы произошли с термином “конфискация”, который в дореволюционном законодательстве применялся для обозначения дополнительного вида наказания по уголовным преступлениям. Ни в Уголовном уложении 1903 г., ни в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., ни в его редакциях 1866 и 1885 гг. конфискация не упоминалась в общем перечне видов наказаний, но встречалась в санкциях отдельных составов преступлений¹². По смыслу норм указанных актов конфискация заключалась в изъятии имущества (родового и благоприобретённого) у осуждённого лица с передачей изъятого имущества в доход казны.

Было и более узкое понимание данного термина, соответствующее современному представлению о частичной конфискации имущества. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. в разд. IV гл. “О производстве по преступлениям и проступкам против имущества и доходов казны” встречается в ст. 1137, 1143, 1174, 1185 упоминание о конфискации в связи с совершением таможенных и налоговых правонарушений¹³. В частности, под ней понималось изъятие в доход государства имущества, незаконно присвоенного субъектом вследствие совершения финансового правонарушения. Изъятие дохода, полученного субъектом вследствие нарушения налоговых или таможенных правил, распространялось не только на физических, но и на юридических лиц.

После октября 1917 г. местные Советы в своих постановлениях в отношении изъятия имущества РПЦ и других религиозных организаций вместо

термина “реквизиция” стали употреблять термин “конфискация”, что, по всей видимости, было связано с большевизацией Советов, а стало быть, с изменением политических и экономических целей и задач деятельности Советов на новом историческом этапе. К примеру, ВРК Сергиево-Посадского Совета в обращении в президиум Моссовета в конце ноября 1917 г., объясняя инцидент, произошедший в Троице-Сергиевой лавре между представителями местного и Московского Советов, когда уполномоченных Сергиево-Посадского Совета московские уполномоченные приняли за грабителей и произвели их арест, указал на то, что “в Троице-Сергиевой лавре производилась не **конфискация**, а только лишь опись монастырского имущества с целью **конфискации** в будущем, если в этом встретится надобность”¹⁴ (выделено мною. – *И.Ш.-Ц.*).

Впрочем, некоторые местные Советы использовали этот термин и до провозглашения советской власти, но не в правоприменительных актах, а в политических заявлениях, раскрывающих цели и задачи текущего момента. Так, в резолюции Совета рабочих депутатов одного из городских районов Москвы от 24 мая 1917 г. о необходимости передачи власти Советам отмечалось, что для преодоления кризиса, вызванного войной, необходимы решительные меры: “**национализация** земли, банков, главнейших отраслей крупной промышленности, **реквизиция** запасов хлеба у помещиков и богатых крестьян (имеющих свыше 50 дес. земли), **конфискация монастырских богатств**, а также богатств Романовых, **конфискация** всей прибыли, награбленной капиталистами во время войны”¹⁵ (выделено мною. – *И.Ш.-Ц.*). Разумеется, такая терминология появилась не случайно – она вытекала из содержания принятых VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП(б) новых программных установок партии¹⁶, учитывающих условия двоевластия и поставивших в области экономики задачу национализации производства и конфискации имущества эксплуататорских классов.

С победой Октябрьской революции термин “конфискация” стал применяться в российском законодательстве в той трактовке, как он интер-

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 562. Л. 38.

¹⁵ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы // Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 172.

¹⁶ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7-е. М., 1953. С. 403–405 (далее – КПСС в резолюциях...); Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 410–413.

¹² См.: Собрание законодательства Российской империи. Т. XV. СПб., 1909. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 263, 266, 271–274, 276, 352 и др.

¹³ См.: Собрание законодательства Российской империи. Т. XV. Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1137, 1145, 1174, 1185. СПб., 1909.

претировался партийными документами, т.е. как изъятие имущества у эксплуататорских классов, потерпевших в ходе революции поражение, в пользу государства трудящихся. К концу Гражданской войны Декретом СНК РСФСР “О реквизициях и конфискациях” было установлено, что **конфискация** есть “**безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и союзов**”¹⁷. Пункты 4-й и 5-й данного Декрета указывали на то, что конфискация может применяться и **как наказание** по постановлениям и приговорам ВЧК, ревтрибуналов, народных судов, и как **административно-хозяйственная мера** чрезвычайного характера, применяемая по постановлению Наркомата земледелия, ВСНХ или местных Советов.

В дальнейшем эволюция данного термина нашла отражение в ст. 70 ГК РСФСР 1922 г., закрепившей применение конфискации имущества исключительно в качестве наказания в случаях, установленных законом¹⁸. Одновременно в УК РСФСР 1922 г. конфискация имущества (полная и частичная) вводится в перечень мер социальной защиты¹⁹, а ст. 38 раскрывает её содержание, тождественное современной трактовке понятия “конфискация”. Под конфискацией в уголовном законодательстве стали понимать изъятие в пользу государства имущества осуждённого вследствие совершения им виновного противоправного деяния, установленного вступившим в силу приговором суда.

Такие термины, как “национализация” и “социализация”, возникли в российском законодательстве только в период Октябрьской революции, хотя национализация в её современном значении как юридическое действие, состоящее в принудительном изъятии государством имущества частного собственника в случае возникновения общественной необходимости (как на возмездной, так и на безвозмездной основе), разумеется, была в России явлением не новым. Примером безвозмездного изъятия в доход казны по причине общественной необходимости можно считать изъятие церковных колоколов Петром I в годы Северной войны. Более свежим примером может служить изъятие постановлением Временного правительства в 1917 г. у РПЦ капитала, предназначенного на развитие церковно-приходских школ с передачей его Министерству просвещения. Перечень примеров, разумеется, можно продолжить, но

отсутствие термина “национализация” в дооктябрьском законодательстве, конечно, затрудняет квалификацию этих действий.

Появившийся в советском законодательстве в 1917 г. термин “национализация” тоже не сразу приобрел современное содержание, вытекающее из принципа, закреплённого в п. 3 ст. 35 ныне действующей Конституции РФ.

Отрицая буржуазный принцип возмещения собственнику имущества стоимости вещи в случае национализации, советское законодательство с позиций диктатуры пролетариата рассматривало изымаемое у эксплуататорских классов имущество как награбленное путём присвоения частными лицами прибавочной стоимости, производимой трудящимися, поэтому и провозгласило принцип безвозмездности национализации, что, как отмечал О.И. Чистяков, сближало в октябре 1917 г. “национализацию” с “конфискацией” имущества эксплуататорских классов²⁰.

Между тем по сей день в научной литературе не разъяснено, чем значение термина “национализация” отличалось от трактовки термина “конфискация” в первые годы советской власти, тем более что в советском законодательстве 1917–1918 гг. в отношении перехода права собственности на церковное имущество использовались оба термина. Ответ можно найти в ленинских трудах.

В сентябре 1917 г. В.И. Ленин в работе “Грозная катастрофа и как с ней бороться” разъяснил, чем “национализация” имущества отличается от его “конфискации”. В частности, он отмечал, что национализация банков решительно ни одной копейки у собственников не отнимает, а означает слияние банков в единый государственный банк; “если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого сама буржуазная пресса”²¹. Далее автор указал на то, что “национализация банков чрезвычайно облегчила бы одновременную национализацию страхового дела, т.е. объединение страховых компаний в одну, централизацию их деятельности, контроль за ней государства”²². Относительно национализации промышленных синдикатов В.И. Ленин в той же работе отмечает, что производство в них “обобществлено в общегосударственных размерах”²³,

²⁰ См.: Чистяков О.И. Правовое закрепление экономических завоеваний Октябрьской революции // Чистяков О.И. Избр. труды / Под ред. Л.Н. Чистяковой. М., 2008. С. 332.

²¹ Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 34. С. 157.

²² Ленин В.И. Избр. произв. Т. 2. М., 1978. С. 181.

²³ Там же. С. 182.

¹⁷ Известия ВЦИК. 1920. 22 апр.

¹⁸ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

¹⁹ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

что создает условия для **национализации сразу целых отраслей производства**.

Такой подход к трактовке понятия “национализация” прослеживается не только в работах В.И. Ленина, но и в партийных документах. К примеру, накануне октября 1917 г. резолюция VI съезда РСДРП(б) указывала, что необходимо осуществить “вмешательство в область производства в целях планомерного урегулирования производства и распределения, а также необходима национализация и централизация банковского дела, национализация ряда синдицированных предприятий (например, нефтяных, каменно-угольных, сахарных, металлургических, а также транспорта)”²⁴.

После провозглашения советской власти СНК РСФСР в первую очередь провёл национализацию банковской сферы. 14 декабря 1917 г. Декретом “О национализации банков” были обобществлены все частные банки. В январе 1918 г. национализирован морской и речной транспорт, а весной – остатки частновладельческих железных дорог, находившихся с момента революции под контролем Наркомата путей сообщения. 2 мая 1918 г. национализировалась сахарная промышленность, 20 июня – нефтяная, а 28 июня 1918 г. – горная, металлургическая, металлообрабатывающая, лесопильная, текстильная, электротехническая, табачная, стекольная, кожевенная и др.

Анализ советского законодательства 1917–1918 гг., регулировавшего хозяйственную сферу, показывает, что в указанный период национализация имущества отличалась от его конфискации главным образом тем, что под **национализацией понимали не только безвозмездный принудительный переход права собственности на имущество к государству, но и установление монополии государства в данной экономической сфере (отрасли производства)**.

Термин “национализация” использовался в законодательстве лишь в том случае, если речь шла о переходе в руки государства целой отрасли с установлением в ней государственной монополии на производство и сбыт товаров, иные собственники в этой сфере ликвидировались. Если же государство не было готово стать монополистом в данной отрасли экономики или считало этот шаг нецелесообразным либо преждевременным, тогда над производством устанавливался рабочий контроль и имущество подлежало секвестрованию, т.е. частный собственник ограничивался в праве

распоряжения имуществом без перехода права собственности к государству.

Таким образом, квалифицирующий признак, позволяющий отделить конфискацию от национализации имущества в первых актах Советского государства, совершенно отличается от того, который использует современная российская гражданско-правовая доктрина. Этим признаком не выступал владеющий субъект, у которого отчуждалось имущество, поскольку национализации подвергалось как имущество частных лиц, так и публично-правовых, но не государственных образований (впрочем, в отношении имущества этих же субъектов могли применить и конфискацию как действие, совершенно не связанное с виновными действиями субъекта права собственности); им не являлся принцип отчуждения имущества (в обоих случаях изъятие было безвозмездным с переходом права собственности на имущество к государству), тем более им нельзя признать и субъекта, к которому переходило право собственности (в обоих случаях оно переходило к государству).

Критерий, разграничивающий эти понятия в законодательстве первых лет советской власти, носил **политэкономический характер**, ибо термин “национализация” применялся **исключительно при изъятии обобществленного (монополизированного, например, в форме синдицирования) имущества и (в основном) в сфере финансового хозяйства, транспорта и промышленного производства**. Стало быть, водораздел между этими юридическими действиями первые акты советской власти проводили **по характеру (признакам) объекта имущественных прав**.

Национализировалось имущество централизованно целыми отраслями согласно отдельным декретам СНК РСФСР, а местные Советы могли либо действовать во исполнение декретов центральной власти, либо своими постановлениями муниципализировать отдельные предприятия или другие имущественные комплексы, находившиеся на подведомственной им территории и не охваченные декретами о национализации. Во втором случае это действие не называлось “национализацией”, а использовался термин “муниципализация”, хотя, конечно, непосредственную работу, связанную с национализацией промышленных объектов, проводили местные Советы, но собственником при этом являлись не местные органы власти, а государство в целом. Управление национализированными объектами осуществлялось централизованно в лице общероссийских органов власти и управления.

²⁴ КПСС в резолюциях... Ч. I. С. 490.

Впрочем, даже всероссийские акты разграничивали понятия “национализация” и “муниципализация”. Так, 30 октября 1917 г. Декретом СНК РСФСР “О передаче жилищ в ведение городов”²⁵, согласно которому собственниками жилых домов и помещений в городах стали местные Советы, распоряжение жилищным фондом переходило в руки коммунальных отделов городских Советов, была проведена не национализация городского жилья, а его муниципализация. В результате реализации данного акта РПЦ потеряла всю недвижимость в городах, которая перешла в собственность местных органов власти.

Впоследствии, оценивая переход права собственности на имущество религиозных организаций на заре советской власти как национализацию, советские авторы, в отличие от законодателей 1917–1918 гг., пользовались совершенно другим пониманием термина “национализация” – как переход права собственности на имущество государству в результате безвозмездного его изъятия у собственника без учёта особенностей объекта национализации.

Но такая интерпретация термина “национализация” появилась уже после Гражданской войны и окончательно утвердилась лишь к середине 30-х годов прошлого века, что нашло отражение в тексте Конституции СССР 1936 г. В частности, ст. 5 и 6 Конституции СССР 1936 г., закрепляя формы социалистической собственности в СССР, называют в качестве таковых **государственную (всенародное достояние)** и колхозно-кооперативную²⁶, т.е. переход имущества “во всенародное достояние” и “национализация” его, различаемые в законодательстве Октябрьской революции и Гражданской войны, в конечном итоге стали рассматриваться тождественно: как безвозмездное отчуждение имущества в пользу общенародного государства, а в советской цивилистике прижился только термин “национализация”, под которым стали понимать действие по безвозмездному переходу права собственности на имущество от частного лица к государству при отсутствии виновных действий со стороны собственника имущества.

За прошедший XX в. представление о том, что есть национализация, в отечественной цивилистике изменялось по крайней мере трижды. Если в период октября 1917 г. это – принудительный безвозмездный переход права собственности на синдицированное имущество с установлением

государственной монополии в данной сфере производства, “ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии, или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией”²⁷, то в конце 20-х – 30-е годы термин “национализация” стали трактовать более упрощенно – как безвозмездное изъятие имущества у частного собственника в пользу государства, и такая трактовка достаточно долго господствовала в отечественной цивилистике.

В начале 90-х годов прошлого века в связи со сменой общественно-политического строя ныне действующая Конституция РФ в п. 3 ст.35 провозгласила принцип возмездности изъятия имущества у собственника, что изменило трактовку понятия “национализация” в отечественной цивилистике²⁸. При этом легального толкования термина “национализация” так и не появилось, оно до сих пор остаётся доктринальным.

Весьма сложным было в 1917 г. юридическое оформление перехода права собственности на землю. Изначально в отношении земли РСДРП(б) выдвигала программное требование о её национализации. В. И. Ленин в работе “Задачи пролетариата в нашей революции” указывал: “Мы должны требовать национализации *всех* земель, т.е. перехода *всех* земель в государстве в собственность центральной государственной власти., но всё распоряжение землей... должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных *Советов крестьянских депутатов*”²⁹. Относительно же помещичьих и церковных земель в аграрной программе выдвигалось требование о “немедленной и полной конфискации *всех* помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр.)”³⁰.

Таким образом, предлагаемая вещно-правовая конструкция предусматривала, что право собственности на землю перейдёт всецело к госу-

²⁷ Ленин В.И. Избр. произв. Т. 2. С. 201.

²⁸ В современной российской цивилистике утвердилось понимание национализации как возмездного изъятия имущества у собственника в случае общественной или государственной необходимости, т.е. произошло возвращение к буржуазной трактовке понятия “национализация” (см., например: Дарий Н.Е. Правовая природа национализации, муниципализации имущества и имущественных комплексов по российскому гражданскому праву // III Всероссийские Державинские чтения. Кн. 5. М., 2008. С. 37).

²⁹ Ленин В.И. Избр. произв. Т. 2. С. 31.

³⁰ Там же. С. 89.

²⁵ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 1. Ст. 52.

²⁶ См.: Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. 1936. № 283. 6 дек.

дарству, правомочие распоряжения – областным и местным Советам крестьянских депутатов, а владение и пользование будут предоставлены крестьянам.

Указанные программные требования были отражены во вводной части проекта Декрета о земле³¹, принятого II Всероссийским съездом Советов. Но, составляя проект Декрета о земле, В.И. Ленину пришлось, дабы найти общий язык с левыми эсерами, а главным образом чтобы удовлетворить чаяния крестьянства, сделать тактическую уступку и снять требование о национализации земли, содержавшееся в программе РСДРП(б)³², но и термин “социализация”, о котором так много говорили эсеры и меньшевики в предреволюционные годы, в текст Декрета о земле тоже не вошел. Зато в этом акте в первый раз в советской законодательной практике использовалось выражение “обращается во всенародное достояние”, что и создало впоследствии основу для научной дискуссии по поводу субъекта права собственности на землю и способов перехода этого права, хотя спор во многом связан с непониманием сути терминов рассматриваемой эпохи, а экстраполяция на них современной трактовки не столько помогает, сколько затрудняет толкование акта.

На самом деле субъект права собственности на землю в Декрете о земле указан чётко: согласно п. 2–3 вводных положений имущественные комплексы помещичьих, удельных, монастырских, церковных владений вместе с землей “**конфискуются**”, т.е. по сути самого термина переходят в руки государства. В крестьянском наказе “О земле”, ставшем составной частью Декрета о земле, в п. 1 конкретизируется, что “самое справедливое решение земельного вопроса должно быть таково”: право частной собственности на землю отменяется навсегда, земля, причём не только частновладельческая, но и государственная, общинная и крестьянская, “отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней”.

Получается, что согласно Декрету земля, которой владели частные лица и общества, за исключением земель рядовых крестьян и казаков, сначала переходила в руки государства как конфискуемое имущество, затем был закреплён принцип безвозмездного отчуждения всех земель сельскохо-

зяйственного назначения, какой бы субъект ими ни владел, с обращением земли “во всенародное достояние”. Устанавливалось, что пользоваться землёй могли не только трудящиеся на ней, но и общины, а также государство (п. 2–4 наказа “О земле”). Стало быть, монопольного положения государства в сфере пользования землёй Декрет не устанавливал, принципа обобществления земли ещё не выдвигал.

С принятием Закона “О социализации земли” в январе 1918 г. было провозглашено, что “всякая собственность на землю отменяется”³³. Это означало, что социализация имущества заключалась не в переходе имущества в руки общин, а **вообще в отмене права собственности на данный объект имущественных прав** и закреплении права пользования данным имуществом всех членов общества. Неудивительно, что эта предложенная эсерами вещно-правовая конструкция была нежизнеспособна, поэтому после подавления мятежа левых эсеров в июле 1918 г. понятие “социализация” исчезнет из терминологии законодательных актов. По окончании Гражданской войны в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. (ст. 2) устанавливалось, что все земли в пределах РСФСР, в чьём бы ведении они ни находились, составляют “собственность Рабоче-Крестьянского государства”³⁴.

Думается, что переход права собственности на имущество религиозных организаций к государству, по крайней мере на земли сельхозназначения и расположенные на них имущественные комплексы, следует обосновывать, ссылаясь в первую очередь на Декрет о земле (п. 2 вводных положений, п. 3–5 наказа “О земле”, ставшего частью Декрета о земле). Действительно, “конфискации” подлежали не только монастырские и церковные земли, но и находившиеся на них хозяйственные комплексы со всем живым и мёртвым инвентарём. В этой связи п. 12, 13 Декрета СНК РСФСР “Об отделении...” лишь закрепили уже состоявшийся переход права собственности на значительную часть имущества религиозных организаций к государству с признанием правомочия распоряжения прерогативой местных Советов и предоставлением правомочия пользования культовым имуществом (т.е. имуществом, имеющим исключительно религиозное назначение) общинам верующих.

Таким образом, в Декрете “Об отделении...” тот же подход, что и в Декрете о земле: государство

³¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 24–26; Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1969. С. 124–126.

³² См., подробнее: Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 560–565.

³³ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 21.

³⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

не являлось в пользовании культовым имуществом монополистом, оно не собиралось синдицировать данное имущество, а было заинтересовано в отстранении от его управления духовенства и передаче его в пользование верующих-трудящихся, объединённых в религиозные общества. Этим, возможно, и объясняется тот факт, что термин “национализация”, который в проектах Декрета “Об отделении...” (как первоначального, так и опубликованного в печати³⁵) присутствовал, в текст принятого Закона не вошел. Впрочем, инструкция НКЮ РСФСР «О порядке проведения в жизнь Декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» от 30 августа 1918 г. (акт по своей юридической природе подзаконный) в ст. 23 называла государство субъектом права собственности на церковное имущество, а ст. 25 объявляла имущество ликвидированных вероисповедных ведомств, а также религиозных обществ «национализированным в силу Декрета “Об отделении ...”»³⁶.

Важным моментом в определении юридической судьбы церковного имущества после октября 1917 г. стало чёткое разграничение советским законодательством имущества религиозных организаций на два вида согласно его назначению: культовое имущество, т.е. имущество, предназначенное для совершения религиозных обрядов, и иное имущество, не имевшее прямого отношения к религиозным обрядам. Значительная часть объектов культового имущества (храмы, иконы и т.п.), несомненно, перешло в “народное достояние” по Декрету “Об отделении...” и передавалось в руки групп верующих в безвозмездное пользование. Иное имущество религиозные организации в пользование не получили. Правовой режим некультового имущества религиозных организаций определялся разными актами: Декретом о земле, декретами о национализации отдельных отраслей промышленного производства, Декретом “О передаче жилищ в ведение городов”³⁷ и др.

В итоге переход права собственности на церковное имущество осуществлялся по-разному: сельхозугодья с имущественными комплексами были “конфискованы”, промышленные объекты, например свечные заводы, учебные заведения, денежные средства и ценные бумаги – “национализированы” (согласно современной интерпретации этих терминов и земля с недвижимыми

объектами, и промышленные предприятия были национализированы); доходные дома и другая недвижимость в городах – “муниципализированы”, имущество лаврских типографий – “реквизировано” (по современной терминологии следует считать данные имущественные объекты муниципализированными).

Следует также обратить внимание на то, что имущество религиозных организаций оказалось в руках государства не только разными способами, но и в разные сроки. Части объектов имущественных прав религиозные организации лишились ещё перед октябрём 1917 г. Так, имущество церковно-приходских школ РПЦ изъяло ещё Временное правительство, имущество лаврских типографий РПЦ – эсеров-меньшевистские местные Советы, а изъятие земли, которой были наделены все незапрещённые религиозные организации, начали ещё волостные земельные комитеты в период от февраля к октябрю 1917 г. Однако узаконено большинство этих действий было только первыми актами советской власти, поэтому, для того чтобы обосновать переход права собственности на церковное имущество к государству, некорректно ссылаться только на Декрет “Об отделении...”. Этот акт не провозглашал, а скорее уже закреплял принцип лишения религиозных организаций права собственности на имущество и других прав юридического лица. При этом распоряжение культовым имуществом передавалось местным Советам, а пользование – верующим. Выражение “переход имущества в народное достояние”, используемое в Декрете “Об отделении...”, не означало указания на способ перехода права собственности. Оно всего лишь признавало субъективное право пользования культовым имуществом всех граждан РСФСР, принадлежащих к данному вероисповеданию, без классовых ограничений.

В 30-е годы согласно новой классификации форм собственности, закреплённой в Конституции СССР 1936 г., статус имущества, находившегося “во всенародном достоянии” (“народном достоянии”), официально был приравнен к статусу национализированного имущества.

С принятием Федерального закона “О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности” от 30 октября 2010 г. маятник истории качнуло в противоположную сторону, и Российское государство возвращает религиозным организациям имущество, изъятые в 1917–1918 гг. Однако даже незначительная правоприменительная практика

³⁵ См.: ГАРФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 721 в. Л. 1; Дело народа. 1917. 31 дек.

³⁶ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 62. Ст. 685.

³⁷ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1917. №1. Ст. 52.

показала, что данный акт явно несовершенен. Более того, он вызвал столкновения общественности с представителями РПЦ ещё до введения в действие. К примеру, Калининградская областная дума передала Калининградской епархии РПЦ двумя Законами от 28 октября 2010 г. 15 объектов недвижимости. Среди них оказались рыцарские замки и другие объекты недвижимости, к которым РПЦ никогда ранее не имела отношения. Свои действия калининградские депутаты объяснили исключительно политическими соображениями³⁸.

³⁸ См.: <http://rugrad.eu/law/news/408175/>

Данный случай показал, сколь непроста будет реализация нового Закона. На этом пути возможны юридические и практические осложнения и споры, которые могут возникнуть по поводу принадлежности того или иного объекта имущественных прав как между нынешними владельцами данного имущества и претендентами на него, так и между конкретными религиозными организациями, претендующими на один и тот же объект имущественных прав, а значит, будет необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы, которое вряд ли возможно без глубокого и всестороннего изучения историко-правового аспекта данной проблемы.